П. М. Меліоранскій.

X

ЗАИМСТВОВАННЫЯ

ВОСТОЧНЫЯ СЛОВА ВЪ РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

ДО-МОНГОЛЬСКАГО ВРЕМЕНИ.

ИЗ ОБМЕННОГО ФОНДА
Библиотека Лен. Гос. Университета

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1906.

„Пров 49"
ПРОВ. 1958
PG
2018
К
Институт Литературы
Библиотека
им. А. Н. Горького

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.

С.-Петербургъ, Мартъ 1906 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ.*

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общества ... Наук
Академии ... СССР
202
51

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. X (1905 г.), кн. 4, стран. 109—134.

Заимствованныя восточныя слова въ русской письменности домонгольскаго времени.

Втеченіе послѣднихъ лѣтъ я отдавалъ часть своего времени, посвящаемаго научнымъ занятіямъ, изслѣдованію словъ турецкаго корня или по крайней мѣрѣ извѣстныхъ и въ турецкомъ языкѣ, проникшихъ въ русскую письменность въ древнѣйшій домонгольскій ея періодъ. Съ цѣлью выдѣленія такихъ словъ мною были прочитаны цѣликомъ всѣ памятники русскаго языка до 1225 года, свѣдѣнія о коихъ помѣщены въ извѣстномъ трудѣ И. И. Срезневскаго «Древніе памятники русскаго письма и языка X—XIV вѣковъ», 2-ое изданіе, 1882 г. Я намѣренно остановился на 1225 г., такъ какъ уже въ эпоху монгольскаго завоеванія и самаго начала монгольскаго владычества появляется весьма значительное количество турецкихъ и монгольскихъ словъ, не встрѣчающихся въ болѣе раннихъ памятникахъ. Этимъ я конечно не хочу сказать, что всѣ такія слова непремѣнно и появились лишь въ монгольскую эпоху; *возможно*, и даже *вѣроятно*, что часть ихъ была заимствована раньше. Возможно далѣе, что и въ современныхъ русскихъ діалектахъ сохранились восточныя слова, неизвѣстныя въ древне-русской письменности, но заимствованныя уже въ домонгольское время, но обо всемъ этомъ я буду имѣть возможность говорить подробнѣе впослѣдствіи, если будетъ суждено продолжаться моимъ

занятіямъ по даннымъ вопросамъ. Къ тому же тогда придется вступить на довольно скользкій путь изслѣдованія «возможностей» и «вѣроятностей», между тѣмъ какъ въ предлежащей статьѣ мы будемъ имѣть дѣло со словами, *которыя несомнѣнно встрѣчаются въ древне-русской письменности.* Въ вышеупомянутомъ трудѣ И. И. Срезневскаго перечислены и книги богослужебныя, и книги евангельскихъ чтеній и т. п., написанныя на церковно-славянскомъ языкѣ, а потому для выдѣленія памятниковъ собственно русскихъ я обращался за указаніями къ академику А. А. Шахматову, которому и приношу мою глубокую благодарность за его любезное содѣйствіе и за совѣты, которыми онъ щедро снабжалъ меня и по различнымъ другимъ научнымъ вопросамъ.

При разборѣ восточныхъ словъ, извлеченныхъ изъ древнерусскихъ памятниковъ, конечно неизбѣжно было считаться съ ранѣе высказанными предположеніямя и сближеніями. Нѣкоторыя изъ нихъ оказались настолько ненаучными и произвольными, что я предпочелъ совсѣмъ на нихъ не останавливаться, особенно если они не получили, такъ сказать, права гражданства въ наукѣ, а высказывались лишь отдѣльными лицами въ то время, когда и вообще, и въ частности у насъ въ Россіи научное языкознаніе было слабо развито. Однако нѣкоторыя изъ такихъ неудачныхъ или въ высшей степени сомнительныхъ сближеній настолько распространены даже въ научной литературѣ, что уклониться отъ ихъ разбора я не счелъ себя вправѣ. Далѣе я нашелъ полезнымъ совершенно опредѣленно отвергнуть турецкое происхожденіе нѣкоторыхъ вообще загадочныхъ словъ, чтобы побудить другихъ спеціалистовъ поискать разгадки въ другихъ языковыхъ областяхъ. Если я при этомъ ошибался, то утѣшаюсь тѣмъ, что можетъ быть высказанныя мною мысли вновь обратятъ вниманіе ученаго міра на эти иногда полузабытыя загадки, и это послужитъ имъ косвенно на пользу. Для оріенталистовъ вѣроятно небезполезны будутъ указанія, что нѣкоторыя слова, встрѣчающіяся въ русскомъ языкѣ и въ нѣко-

торыхъ турецкихъ нарѣчіяхъ идутъ изъ какого-нибудь третьяго (напр. греческаго) языка. Наконецъ иногда мы повидимому имѣемъ дѣло съ переходомъ слова изъ русскаго языка въ восточные, что напр. случилось, кажется, съ древне-русскимъ словомъ «чара». Чѣмъ дальше подвигалось мое изслѣдованіе, тѣмъ болѣе я убѣждался, что безъ содѣйствія спеціалистовъ по русскому языку и славистовъ мнѣ во многихъ случаяхъ не обойтись. Мало того нерѣдко приходится вдаваться и въ различныя другія филологическія области, такъ что къ замѣчаніямъ съ разныхъ сторонъ я напередъ готовъ и приму ихъ съ величайшею благодарностью. Предлежащая статья была предварительно прочитана въ видѣ реферата въ Восточномъ Отдѣленіи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества и вызвала замѣчанія со стороны академика А. И. Соболевскаго, проф. Н. И. Веселовскаго, проф. бар. В. Р. Розена и другихъ; всѣмъ этимъ лицамъ, а равно и тѣмъ ученымъ, къ которымъ я обращался письменно или устно при писаніи предлежащей статьи и на которыхъ буду ссылаться ниже, выражаю здѣсь мою глубокую признательность.

Разбираемыя слова расположены, какъ и въ первомъ моемъ этюдѣ: «Турецкіе элементы въ языкѣ «Слова о полку Игоревѣ», въ порядкѣ русскаго алфавита (Извѣстія Отдѣл. русск. яз. и словесн. Императорской Академіи Наукъ, 1902, томъ VII, кн. 2, стр. 273—302 и вторая статья въ видѣ отвѣта акад. Ѳ. Е. Коршу тамъ-же т. X (1905 г.), кн. 2, стр. 66—92).

Восточные элементы, вошедшіе въ языкъ «Слова о полку Игоревѣ», въ настоящей статьѣ подробно не разсматриваются [1]). Слова церковно-славянскія, вошедшія однако въ древне-русскую письменность, отмѣчены звѣздочкою. Въ виду сложности вопроса объ отношеніяхъ церковно-славянскаго языка къ рус-

---

1) Слѣдовательно нѣтъ словъ: болванъ, боякъ, бояринъ, бусый, быля, дивъ, женчюгъ, коганъ, кощей, могата, орѣтъма, салтанъ, харалугъ, хорюговь, чага, шереширъ, япончица и яруга.

скому, мы по поводу отдѣльныхъ словъ будемъ ниже имѣть неоднократно случай высказаться болѣе подробно.

---

1. **Актазъ.** Встрѣчается всего одинъ разъ (Лѣтопись по Ипатскому списку, изд. 1871 г., стр. 498 подъ 1225 годомъ) въ контекстѣ: «Мьстислав(ъ) же прия зятя своего любовью, и почтивъ его великими дарми, и да ему конь свой борзый актазъ, акого же в та лѣта не бысть». Обращаемъ вниманіе на единичность появленія этого слова и на 1225 годъ, являющійся какъ разъ гранью между домонгольскимъ и монгольскимъ періодами. Вполнѣ возможно, что слово это надо отнести уже къ монгольскому періоду. И. И. Срезневскій въ «Матеріалахъ для словаря древне-русскаго языка» предположилъ здѣсь порчу текста,— «актазъ» вмѣсто правильнаго «актарь» и сблизилъ послѣднее слово съ турецкимъ акта, *меринъ*. Слово это пишется по турецки آختَه, آقتا, آقطه; оно встрѣчается также въ монгольскомъ языкѣ ᠠᠬᠲᠠ и въ персидскомъ آختَه. По нашему мнѣнію скорѣе всего это—персидское слово, перешедшее въ эпоху монгольскихъ завоеваній въ XIII вѣкѣ въ турецкій и монгольскій языки; особенно въ пользу этого говоритъ связь его съ персидскимъ глаголомъ آختَن, *извлекать, вынимать* (въ данномъ случаѣ testiculi), между тѣмъ какъ въ турецкомъ и монгольскомъ языкѣ оно не этимологизируется[1]). Слово это, первоначально по смыслу прилагательное (или вѣрнѣе причастіе: آختَه), можетъ въ турецкомъ языкѣ сочетаться не только со словомъ ат, *лошадь*, но и съ названіями другихъ животныхъ и даже словомъ кіші, *чело-*

---

1) Турецкую этимологію, предложенную Г. Вамбери, Die primitive Cultur des turkotatarischen Volkes etc. 1879, S. 195, я считаю фантастическою. Глаголъ آختَن встрѣчается въ смыслѣ «тащить, тянуть» у Са'ди, см. فرهنگ انجمن آرای Риза Кули хана.

вѣкъ. Первоначальное значеніе его «выложенный, кастрированный, оскопленный», и только впослѣдствіи оно стало заключать въ себѣ и представленіе именно о *лошади*. Все это однако сообщается здѣсь мною попутно, такъ какъ я нахожу совершенно ненужною поправку И. И. Срезневскаго и разлагаю «актазъ» на турецкое ak, *бѣлый* и «таз» = «тазы» или «тази» (تازی), что по персидски значитъ «арабъ» и «арабскій»[1]). Бѣлыя арабскія лошади (اسب تازی и تازی آت) достаточно извѣстны, и мое толкованіе вполнѣ подходитъ по контексту. Быть можетъ первоначально и въ лѣтописи стояло «актазы», а не «актазъ». При поправкѣ И. И. Срезневскаго окончаніе -рь въ «актарь» представляется намъ во всякомъ случаѣ необъяснимымъ.

2. **Батогъ.** Слово это имѣется въ другихъ славянскихъ языкахъ и въ литовскомъ и, какъ намъ кажется, происходитъ отъ «бат» (Матценауэръ, Cizi Slova 106)[2]). Оріенталистъ Мухлинскій сближалъ его однако съ турецкимъ بوطاق, بوتاق butak, *сукъ*, *вѣтвь* (Źrodłosłovnik wyrazow wschodnich 1858). Фонетически однако переходъ «butak ~ батогъ» было бы довольно трудно объяснить, а потому мы высказываемся противъ восточнаго происхожденія этого слова.

3. **Бесурменинъ.** Ипатск. лѣт. подъ 1184 г. два раза. Слово это, являющееся также въ нѣсколькихъ близкихъ по звуку варіантахъ и въ позднѣйшемъ русскомъ языкѣ и сохранившееся до нашихъ дней, значитъ безспорно первоначально: «мусульманинъ». Это послѣднее слово имѣетъ свою исторію на Востокѣ. Первоначально у арабовъ исповѣдующій исламъ назывался مُسْلِم muslim; отъ этого слова было образовано на персидской

1) Словомъ تازی, tazi, тазы арабы нерѣдко обозначались и въ турецкой письменности.

2) При ссылкахъ на Матценауэра мы и впредь разумѣемъ именно этотъ его трудъ.

почвѣ множественное число مسلمان muslimân, откуда и пошли потомъ формы «мусулман, мўсўлмăн и т. п. Въ простонародномъ османскомъ L. Bonelli отмѣчаетъ и произношеніе «мўсўрман» (Appunti grammaticali e lessicali di Turco volgare 309). Еще интереснѣе для насъ каракиргизская форма этого слова «бусурман» см. В. В. Радловъ, Образцы нар. литер. сѣв. тюркск. племенъ т. V, стр. 6, 7, 12 и др. Въ виду того, что спеціалисты по русскому языку (А. А. Шахматовъ и А. И. Соболевскій) рѣшительно отвергаютъ вѣроятность перехода м || б въ началѣ этого слова на русской почвѣ, надо думать, что русскіе получили его уже въ готовомъ видѣ отъ какого-нибудь «бэкавшаго» турецкаго діалекта. Дѣло въ томъ, что во многихъ турецкихъ (преимущественно южныхъ и западныхъ) діалектахъ начальное «м» въ комбинаціяхъ «м + гласный звукъ[1]) + н, ң, м; рѣже + р, л, j; еще рѣже + з, с» чередуется съ «б»[2]). Судя по преобладанію въ такихъ комбинаціяхъ звука «м» въ монгольскомъ языкѣ, а также въ уйгурскомъ, якутскомъ и чувашскомъ діалектахъ, мы положительно склонны думать, что первоначально въ турецкомъ языкѣ (правда, еще въ до-орхонскій періодъ!) въ подобныхъ словахъ и формахъ произносилось именно «м» (иначе D-r. W. Radloff, Phonetik der nördl. Türkspr. II §§ 221, 222). «Бэ-канье» началось однако уже въ очень древнее время, такъ какъ уже въ орхонскихъ надписяхъ «б» въ вышеупомянутыхъ комбинаціяхъ преобладаетъ. Въ команскомъ (половецкомъ) діалектѣ, изъ котораго «бесурменинъ» вѣроятно попало въ Ипатскую лѣтопись, «бэканье» также было довольно распространено, въ чемъ нетрудно убѣдиться, просмотрѣвъ слова на «б» и на «м» въ Codice Cumanico и въ глоссаріяхъ Абу Хайяна и анонимномъ, изданномъ проф. M. Th. Houtsma[3]). Другой діалектъ, изъ котораго «бесурменинъ» могъ попасть

1) Или дифтонгъ, особенно oi.

2) Значительно рѣже подобное явленіе наблюдается въ корпусѣ словъ (Inlaut).

3) О нихъ см. Изв. отдѣл. русск. яз. и слов. т. VII, кн. 2, стр. 284.

въ древне-русскій языкъ, есть діалектъ волжскихъ болгаръ; къ сожалѣнію древнихъ памятниковъ ихъ языка у насъ нѣтъ. Въ послѣднее время Н. И. Ашмаринъ, по нашему мнѣнію довольно убѣдительно, доказывалъ родственность чувашей съ древними волжскими болгарами [1]). Несомнѣнно, что надписи, найденныя въ разныхъ мѣстностяхъ древняго болгарскаго царства, содержатъ извѣстное количество чувашскихъ элементовъ и скорѣе всего могутъ быть отнесены къ памятникамъ письменности и языка волжскихъ болгаръ, хотя, правда, гораздо болѣе поздняго времени (начала XIV вѣка). Теорія Н. И. Ашмарина въ наукѣ покамѣстъ не принята окончательно, а потому замѣтимъ только, что, если она вѣрна, то, судя по современному чувашскому діалекту, волжскіе болгары *не* «бэ-кали» [2]). Вопросъ однако о чередованіи «м» и «б» въ началѣ *заимствованныхъ иностранныхъ* словъ въ турецкомъ языкѣ весьма сложенъ; такъ напр. въ завѣдомо «бэкающемъ» османскомъ діалектѣ въ нѣкоторыхъ *иностранныхъ* словахъ начальное «б» переходитъ въ «м», напр. بِسمِلّ bісміl, *животное, зарѣзанное по мусульманскому ритуалу*, у Бурханъ эд-Дина Сивасскаго (Восточныя Замѣтки, стр. 150) звучало مِسمِلّ місміl [3]); по наблюденіямъ L. Bonelli (l. c. 306) вмѣсто بسم الله «вульгарно» говорятъ mismillah; بهانه, *предлогъ*= mähanä или «mānä»; بَنَفشه *фіалка* «вульгарно», по Redhouse'у, произносится «менекше». Но съ другой стороны персидское مبار, *родъ начинки для колбасы и сама колбаса*, искажается въ

1) Извѣстія Общ. Археол. Исторіи и Этнографіи т. XVIII, стр. 1—132 «Болгары и чуваши».

2) Только въ словѣ пур, *градъ, ледъ* мы встрѣчаемся съ этимъ явленіемъ (пур=монгольскому بوسو мӯсӯн, джагатайскому موز муз, якутскому мӯс, но османскому بوز буз.).

3) Это-же слово у Абу Хайяна стр. ۱۱۳ مِصمِل съ переводомъ الطاهر т. е. чистый.

турецкихъ устахъ въ مومبار мумбар, а затѣмъ въ بومبار бумбар[1]). Быть можетъ и у древнихъ болгаръ въ *иностранныхъ* словахъ начальное «м» имѣло тенденцію переходить въ «б»? Имя арабскаго пророка Мухаммеда или Мохаммеда въ переяславской лѣтописи[2]) имѣетъ форму Магметъ (законъ Магметевъ на стр. 4), когда рѣчь идетъ о половцахъ, но, когда рѣчь идетъ о болгарахъ (стр. 18), появляются формы Бехметевы (вѣры), Бохмету, Бохмитъ и т. д. Также Лаврентьевская лѣтопись зоветъ мусульманъ-болгаръ «Бохмитами» подъ 1182 г. Весьма возможно, что сами болгары произносили вмѣсто Мохаммедъ—Бохметъ. Русскіе вообще знали это собственное имя въ нѣсколькихъ формахъ. Въ «Словѣ о законѣ и благодати» Моамедъ и Бохмитъ считаются даже повидимому *двумя* различными лицами (Чтенія въ обществѣ ист. и древн. т. VII стр. 100). Конечное заключеніе наше сводится къ тому, что формы «бесурменинъ, бесерменинъ, бусурманъ» или «басурманъ» русскіе могли получить именно въ такомъ или очень близкомъ видѣ и отъ половцевъ (что вѣроятнѣе), и отъ болгаръ, хотя о языкѣ послѣднихъ мы всегда должны говорить съ крайнею осторожностью.

4. **Билинч**(а) въ извѣстномъ мѣстѣ Ипатской лѣтописи подъ 1193 г. (стр. 454) по контексту значитъ, по нашему мнѣнію, «улика; признакъ, по которому можно узнать что и т. п.» Такое значеніе вполнѣ могло бы имѣть турецкое слово بيلنج бiлiнч отъ корня بيل бiл, *знать*. По формѣ его можно сопоставить съ извѣстными سونج сāвiнч, *радость* отъ سو сāв, قيلنج кылынч, *поступокъ*, *образъ дѣйствій* отъ قيل кыл, *дѣлать* и т. п. Надо однако замѣтить, что въ турецкихъ *текстахъ* намъ этого образованія именно отъ бiл, *знать* не встрѣчалось. Можетъ быть лѣтописная

1) Это слово могло впрочемъ имѣть особую судьбу вслѣдствіе большого скопленія въ немъ губныхъ звуковъ.

2) Изданіе кн. М. А. Оболенскаго «Временникъ Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ» книга девятая, 1851 года.

форма «билинч(а)» представляетъ собою искаженіе другого образованія отъ глагола «bil», а именно «bilinіш» приблизительно съ тѣмъ-же значеніемъ?

5. ***Бисеръ.** (Лаврент. лѣтоп. подъ 969 г. Новгор. лѣтоп. 955 и 969 гг. Яковлевъ, Памятники русской литературы XII и XIII вѣковъ, стр. CXIV). Уже C. M. Fraehn, Ibn Foszlan etc. S. 88, сблизилъ это слово съ арабскимъ بُسرة бусра, *поддѣльный жемчугъ, стеклярусъ (Glasperle)*. Въ любомъ турецкомъ языкѣ это слово легко могло начать произноситься съ мягкими (небными) гласными «бӱсрä» и отсюда уже «бисеръ». По замѣчанію акад. А. И. Соболевскаго, въ старыхъ *русскихъ* памятникахъ это слово не встрѣчается, а потому должно быть признано элементомъ церковно-славянскаго языка, куда оно должно было попасть раньше печенѣжскаго періода, такъ какъ встрѣчается уже въ IX вѣкѣ.

6. **Ватага.** Ипатская лѣтопись подъ 1190 г.; раньше подъ 1184 г. конъектурально возстановлено еще Н. Г. Чернышевскимъ и Ѳ. Е. Коршемъ изъ «въгаты». Предположительное сближеніе этого слова съ турецкимъ اوتاغ отаӻ, *шатеръ, шалашъ, комната, семья* и т. п. принадлежитъ Ѳ. Е. Коршу (Archiv für Slav. Philol. IX 659). Скорѣе всего это слово могло попасть въ южнорусскую лѣтопись изъ половецкаго языка, но въ такомъ случаѣ «искаженіе» «ватага» изъ «отаӻ» должно было произойти на русской почвѣ, такъ какъ въ половецкомъ, насколько мы знаемъ и можемъ предполагать, такого искаженія не наблюдалось; Абу Хайянъ (стр. ٣٠) даетъ только اُطَق otak (odak?). Предзвучіе «в» является, правда, въ нѣкоторыхъ чисто-русскихъ словахъ, начинающихся на «о», напр. вострый, восемь, вотчина[1]), вóкунь (вм. окунь), вбсень (вм. осень)[2]) и т. п. Есть примѣры и пере-

1) Уже у Даніила игумена.

2) Послѣдніе два примѣра взяты изъ бѣлорусскаго нарѣчія по словарю Носовича.

хода при этомъ начальнаго «о» въ «а», напр. «варганъ» изъ «органъ» (Матер. для слов. И. И. Срезневскаго I, 227) и, можетъ быть, «ватаманъ, вотаманъ» изъ «атаманъ»[1]). Приданіе затѣмъ слову *вотаг или *ватаг окончанія женскаго рода не должно насъ особенно смущать, ибо это явленіе наблюдается еще въ нѣкоторыхъ заимствованныхъ восточныхъ словахъ, напр. «лачуга, яруга, бумага» (См. Изв. отдѣл. русск. яз. и слов. 1902, томъ VII, кн. 2, стр. 301 и т. VIII, кн. 4, стр. 57), хотя причины этого явленія и неясны.

Хотя заимствованіе русскими этого слова у волжскихъ болгаръ представляется мало вѣроятнымъ, но для полноты мы разберемъ и эту возможность, исходя изъ предположенія, что въ современныхъ чувашахъ мы находимъ потомковъ древнихъ волжскихъ болгаръ. Въ чувашскомъ діалектѣ начальное общетурецкое «о» пріобрѣтаетъ въ цѣломъ рядѣ словъ предзвучіе «в», причемъ самое «о» переходитъ иногда въ «у», а иногда въ звукъ средній между «а» и «о», который мы означимъ черезъ å; напр. он, *десять* по чувашски «вун», от, *огонь* — вут; орман, *лѣсъ*— вӑрман, ол, *онъ, тотъ* — вӑл и т. п. Появленіе этого вторичнаго «в» объясняется современными изслѣдователями чувашскаго языка для различныхъ словъ различно (см. Vilh. Grønbech, Forstudier til tyrkisk Lydhistorie, S. 64 и H. Pedersen, Türkische Lautgesetze въ Zeitschr. der Deutsch. Morgenl. Gesellsch. LVII, 3, S. 555—557). По мнѣнію H. Pedersen'a, которое представляется намъ болѣе правильнымъ, это «в» въ словахъ съ первоначально краткимъ или обыкновеннымъ «о» является довольно позднимъ «усиленіемъ» простого «гласнаго начатія» (vocalischer Einsatz), на подобіе османскаго вур, *бить* изъ общетурецкаго «ур». Болѣе древнимъ такое «в» надо признать въ словахъ, начинавшихся на первоначально долгое «ō», которое сначала превратилось въ дифтонгъ «ŭо», а потомъ въ «во». Опредѣлить точно *вѣкъ*, когда именно въ чувашскомъ діалектѣ могло

1) Происхожденіе этого послѣдняго слова для насъ неясно. Не стоитъ-ли и оно въ связи съ ватагою?

произойти это явленіе, пока невозможно. Во всякомъ случаѣ если «отаҕ» дѣйствительно превратилось въ чувашскомъ въ «вȧтаҕ», то это должно было произойти въ болѣе древнюю эпоху изъ тѣхъ двухъ, о которыхъ говоритъ H. Pedersen, такъ какъ «о» въ «отаҕ» — долгое. Дѣло въ томъ, что этимологически это слово несомнѣнно связано со словомъ ōт, *огонь*. Помимо звукового сходства надо имѣть въ виду, что первоначально «отаҕ» значило «кочевое жилище», а слова съ такимъ значеніемъ весьма часто имѣютъ связь со словами «огонь, тепло, очагъ, топка» и т. п. Далѣе долгое «ō» въ ōт, *огонь*, было причиною перехода въ османскомъ конечнаго «т» въ «д» (اود); въ силу того же слово «отаҕ» превратилось въ османскомъ въ «ода» (اوده, اوطه). Въ виду всѣхъ этихъ соображеній мы можемъ предположить для древнечувашскаго (= болгарскаго?) языка формы *вутаҕ или «вȧтаҕ» изъ *ўотаҕ, такъ какъ «о» въ «отаҕ» было вѣроятно первоначально долгое. Что касается значенія этого слова, то въ османскомъ «ода» значило не только «помѣщеніе, комната, казарма», но и «люди, живущіе въ одномъ помѣщеніи, въ одной казармѣ» особенно въ придворномъ и военномъ бытѣ, откуда развилось и значеніе «рота, часть янычарскаго полка». Весьма возможно, что и «отаҕ» имѣло въ древности подобныя значенія. Замѣтимъ еще, что, если бы удалось доказать, что вотяки заимствовали свое слово «vataga, *Familie*, *Gesindel*» въ древнее время у какихъ-нибудь турокъ, то это было бы сильнымъ доказательствомъ въ пользу турецкаго происхожденія и русской «ватаги»; но, кажется, болѣе вѣроятно, что вотяки заимствовали это слово въ сравнительно новое время у русскихъ (B. Munkácsi, A Votjàk Nyelv Szótára 1896, стр. 643).

Ѳ. Е. Коршъ предложилъ въ послѣднее время самъ другую этимологію «ватаги» отъ румынскаго (?) (у Ѳ. Е. Корша стоитъ просто рум.!) въта́ш, *наблюдатель*, *сторожъ*. Эту этимологію мы къ сожалѣнію некомпетентны оцѣнить, и потому ограничиваемся простымъ указаніемъ (Изв. русск. яз. и слов. т. VIII, кн. 4, стр. 58).

7. **Евшанъ** (трава). Въ Ипатск. лѣтоп. подъ 1201 годомъ въ извѣстномъ мѣстѣ о ханѣ Отрокѣ, который, понюхавъ ее, рѣшается возвратиться въ свою страну отъ «Обезовъ». Научная транскрипція этого слова «jaўшан jäўшан»; такъ называется у туркменъ и другихъ турковъ «полынь» или «чернобыль»[1]). Въ казакъ-киргизскомъ языкѣ это слово имѣетъ форму ӱсан (жӱсан). Извѣстно, что это растеніе характерно для флоры весьма значительной части и современныхъ ногайскихъ и киргизскихъ кочевій. Арабской азбукой это слово пишется ياوشان.

8. **Каганъ.** Лавр. лѣтоп. и Новгор. подъ 965 г., а также въ Словѣ о законѣ и благодати; въ «Словѣ о полку Игоревѣ» — «коганъ». «Каганъ» форма наиболѣе близкая къ турецкому произношенію «kaɣan».

9. **Каторга.** Новгородск. лѣт. 4. 133—извѣстный родъ судна. Ф. Миклошичъ[2]) считалъ только *возможнымъ*, а Θ. Е. Коршъ *несомнѣннымъ*, что въ русскій языкъ это слово попало прямо изъ греческаго (κάτεργον). Мы всецѣло примыкаемъ къ послѣднему мнѣнію, считая посредство турецкой формы قادرغه kадырɣа не только исторически излишнимъ, но и фонетически непріемлемымъ.

10. **Клобукъ.** Уже Ф. Миклошичъ считалъ это слово происшедшимъ отъ kалпak *или прототипа этого турецкаго слова.* Заимствованіе это древнее, общеславянское. При всей соблазнительности сопоставить эти два слова, особенно напр. въ виду несомнѣнной тожественности «черныхъ клобуковъ» нашихъ лѣтописей съ kара kалпаkами (Живая Старина 1896, вып. III и IV, стр. 311), нельзя не сказать, что затрудненія со стороны *формы*

---

1) Варіантъ «емшанъ» критики не выдерживаетъ.

2) При такихъ ссылкахъ мы всегда разумѣемъ его извѣстный трудъ «Die turkischen Elemente in den südost- und osteuropäischen Sprachen». Wien. 1884.

довольно значительны; это признаλъ и Θ. Е. Коршъ (Изв. отд. русск. яз. и слов. т. VIII, кн. 4, стр. 10). Общеславянской формой этого слова нужно признать *колбук, тогда какъ въ турецкомъ мы находимъ именно только «kалпak».

11. **Коврыгъ (Ковригъ, Коврига).** Новгор. лѣт. подъ 1074 г. Ср. османское قيوريق и قيوريق kывpык, *завитой, закругленный;* въ джагатайскомъ мы находимъ قيوراق kывpak. Корень قيور kывыр значитъ между прочимъ «придавать форму, приводить въ порядокъ».

12. **Кърчага и кърчагъ.** Лавр. лѣтоп. 997 г. Ипатск. лѣтоп. 1147 г. и др. Быть можетъ позволительно сопоставить съ алтайскимъ kарчak, *ящикъ, сундукъ, гробъ.* Относительно перехода конечнаго турецкаго «k» въ заимствованныхъ русскими словахъ въ «г», см. Θ. Е. Коршъ (Изв. русск. яз. т. VIII, 4, стр. 42); насчетъ приданія окончанія женскаго рода см. выше стр. 10 подъ словомъ «ватага» [1]).

13. **Кума.** Хоженіе Пресв. Богородицы по мукамъ, 213. Обыкновенно производятъ это слово отъ «commater», хотя «сокращеніе» его въ «кума» намъ представляется трудно объяснимымъ. Однако въ виду значенія «крестная мать» вѣроятность только что приведеннаго производства конечно большая. Намъ хочется только обратить вниманіе на древнее и діалектически весьма распространенное турецкое слово قوما, قما кума, *налджница; младшая жена; жены одного человѣка по отношенію другъ къ другу; дѣвушка, невольница, служанка,* а по Ценкеру даже

1) По поводу 11 и 12 акад. А. И. Соболевскій замѣтилъ намъ, что это скорѣе исконныя славянскія слова. Однако въ виду неясности ихъ этимологіи мы рѣшились напечатать и наши сопоставленія, быть можетъ и неудачныя. Проф. А. Л. Погодинъ производитъ «ковригу» отъ финскаго kaurikka (Изв. Отдѣл. русск. яз. и слов. 1905, т. X, кн. 3, стр. 12—15). Не входя въ оцѣнку этой этимологіи, замѣчу только, что *слова* kaurikka проф. А. Л. Погодину въ финскомъ яз. отыскать не удалось; извѣстно только kaura, kagra и т. д.= овесъ.

«*помощникъ*». Въ значеніи «сò-жена» (الضرّة) قوما встрѣчается уже у Абу Хайяна. Не смѣшалось-ли по значенію это слово съ кумою, происшедшею изъ латинскаго commater, и не лежитъ ли въ смѣшеніи двухъ этихъ словъ разгадка трудно объяснимаго искаженія слова «commater» въ «куму»?

14. **Кумыз(а), комуз(а).** Ипатск. лѣтоп. 1185 г. Это названіе извѣстнаго напитка кочевниковъ изъ кобыльяго молока произносится и въ турецкомъ языкѣ съ различной вокализаціей (кумыс, кымыс, кымыз, кумуз и т. п.). Наиболѣе вѣроятною этимологіею этого слова въ турецкомъ языкѣ является, по нашему мнѣнію, производство отъ قيمق кыммак, *двигать, трясти, качать, шевелить*, ибо кумысъ по способу приготовленія есть своего рода «болтушка» (отъ взбалтыванія, болтанія особымъ орудіемъ بشكاك пішкäк). Ср. H. Vambéry, Die primitive Cultur des turco tatar. Volkes, S. 96—97.

15. **Курганъ.** Въ Переяславск. лѣт. 4 (въ редакціи XV вѣка) «и въ коурганы сыпаху» вѣроятно въ значеніи «могилы» или «могильнаго холма»; Новгор. лѣтоп. 1224 г. (курганъ Половѣ-скый) въ значеніи «крѣпость». Слово это древнетурецкое, встрѣчается уже въ орхонскихъ надписяхъ въ собственномъ имени «маӈы» или «амӈы курӈан». Происходитъ оно, вѣроятно, отъ корня «кур, *приготовлять, снаряжать, приводить въ порядокъ или въ состояніе готовности;* въ связи также съ корӈа, курӈа, *охранять, окружать стѣною и т. п.* и значитъ по турецки «крѣпость, цитадель, городъ». «Курӈанча» по сартовски—«мыза». Мнѣніе, что «коурганъ» въ значеніи «могильнаго холма» идетъ отъ персидскаго گورخانه гурхâна, *могила, гробница*, тоже пріемлемо. Такимъ образомъ въ русскомъ «курганѣ» кроются повидимому *два* восточныхъ слова.

16. **Лошадь.** Въ знаменитой рѣчи Владиміра Мономаха, Лавр. лѣтоп. 1103 г. Уже Ф. Миклошичъ сблизилъ это слово съ ту-

рецкимъ آلاشه алаша, *меринъ*[1]). Начальное «а» легко могло отпасть въ русскомъ языкѣ, какъ это мы видимъ въ «лачуга» изъ آلاچوغ алачуҕ, *походная палатка, шалашъ* и «лафа́» изъ арабско-турецкаго علفه алафа, *царское содержаніе пословъ и ихъ верховыхъ и упряжныхъ животныхъ и челяди* или علعه алфа, *фуражъ для скота;* впослѣдствіи у татаръ казанскихъ и у башкиръ «алафа» и «алапа» въ значеніи «награда, жалованье, подачка»[2]). Вполнѣ согласна также съ аналогичными явленіями была бы вокализація *лошá (*олошá). За то большое затрудненіе представляетъ окончаніе -дь. Θ. Е. Коршъ (Изв русск. яз. и слов. VIII, 4, стр. 45) предлагалъ считать началомъ слова «лошадь» форму «лошя». И. И. Срезневскій говорилъ, что лошА могло быть средняго рода, какъ «свинА». Однако все это не объясняетъ окончанія -дь. Проф. Р. Брандтъ развилъ мысль, высказанную вскользь еще Ф. Миклошичемъ, что форма «лошадь» собственно есть имя собирательное, подобное *сербскимъ* ждрёбāд, *жеребята;* тёлāд, *телята*[3]), которое уже позже превратилось опять въ «имя единичности». Это было бы недурно, если бы въ *русскомъ* языкѣ были употребительны подобныя собирательныя, а между тѣмъ Р. Брандтъ не приводитъ ни одного примѣра. Какъ кажется, намъ удалось найти одинъ: это «рухлядь» отъ «рухло» или «рухла». Съ другой стороны слово «лошадь» въ сербскомъ языкѣ неизвѣстно.

Въ связи съ آلاشه алаша, (*лоша) стоятъ несомнѣнно слова «лошакъ» (-къ, какъ «сюртукъ» отъ surtout?) и отмѣченное

---

1) Кстати: «меринъ» есть несомнѣнно монгольское مۇرين мо́рін (діалектически: мо́рін), *лошадь*. См. Das Schriftmongolische und die Urga-Mundart von G. J. Ramstedt, S. 33.

2) Въ ногайскомъ сказаніи о Токтамышѣ въ хрестоматіи Османова также встрѣчается آلوفه стр. 43, 15. Л. Будаговъ производитъ татарскія вульгарныя формы отъ арабскаго عُلُوفَة улуфа, *фуражъ, кормъ, жалованье, содержаніе, пенсія* и т. п., что тоже возможно. Корень у عَلَفَة, عُلُوفَة и т. д. одинъ.

3) Русскій Филологическій Вѣстникъ т. XVIII, 1887 г., стр. 34—35. Мы воспроизводимъ здѣсь транскрипцію Р. Брандта.

Θ. Е. Коршемъ (Archiv für Slav. Philol. VIII, 648) «лопата (и волы)» (Лѣтоп. II. 227 г. 1305). Эта послѣдняя форма можетъ быть сведена къ лошА, если оно склонялось когда-нибудь какъ тела и т. п.

17. **Лыскар(ѣ).** Лавр. лѣтоп. 1074 г. Яковлевъ, l. c. LXXXII = заступъ, лопата и т. п. Слово это встрѣчается по Далю въ псковскомъ говорѣ (ласка́рь), по Подвысоцкому въ архангельск. кольск. у., отмѣчено у киргизовъ Л. Будаговымъ لسكر лескер, *заступъ* и встрѣчается у крымскихъ татаръ «Образцы» В. В. Радлова VII стр. 4,1 въ формѣ ӱӱскя́р. Всѣ эти слова восходятъ повидимому къ среднегреческому λισγάριον; къ киргизамъ попало это слово отъ русскихъ, а крымскіе татары могли и самостоятельно получить его отъ грековъ такъ-же, какъ и русскіе.

18. **Ропат(и).** Лавр. лѣтоп. 987; **ропат(ѣ)** Житіе блаженн. Володимера; **ропат(у)** Новгор. лѣт. 1184 г. (поставиша Немецкую ропату). Въ древней русской письменности это слово употребляется повидимому раньше всего въ значеніи мусульманской мечети, затѣмъ вообще иновѣрнаго и даже языческаго храма. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ тожествѣ этого слова съ арабскимъ رِبَاط т. е. рібаṭ, рабаṭ, рубаṭ, робаṭ[1]). Первоначально это слово въ арабскомъ языкѣ значило «укрѣпленная казарма на границѣ». Кромѣ войска туда стекались благочестивые мусульмане, желавшіе добровольно принимать участіе въ «войнѣ за вѣру». Въ свободное время они предавались благочестивымъ упражненіямъ, и мало по малу «робаты» превратились въ нѣчто среднее между монастыремъ и крѣпостью. Впослѣдствіи «робат» получило уже прямо значеніе «монастыря, мѣста для богомолья». А. А. Шахматовъ полагаетъ, что слово это попало въ русскій языкъ не-

1) Вокализація колеблется даже въ классическомъ арабскомъ языкѣ.

посредственно изъ греческаго (ῥαπάτιον), а греки, прибавимъ, могли вполнѣ получить его прямо отъ арабовъ, такъ какъ на арабско-византійской границѣ были подобныя «робаты». Ф. Миклошичъ II 45 предполагалъ посредничество волжскихъ болгаръ. Окончательное рѣшеніе вопроса о пути, которымъ проникло это слово въ русскій (вѣрнѣе, первоначально, въ церковнославянскій) языкъ, зависитъ, какъ намъ кажется, отъ рѣшенія вопроса о происхожденіи сказанія о крещеніи Руси.

19. **Сайгатъ.** Ипат. лѣт. 1174 г. и 1193 г. а также нерѣдко и позже въ монгольскій періодъ (1258, 1260, 1262 и др.). Значеніе этого слова было вѣрно объяснено уже Н. Г. Чернышевскимъ (Матеріалы I, 561); это—подарки изъ добычи, подносимые побѣдителемъ въ знакъ почета обыкновенно старшимъ родственникамъ (отцу, тестю, брату и т. п.). Особенно ясно это значеніе «сайгата» выступаетъ въ Ипат. лѣтоп. подъ 1262 г. (стр. 566—567). Мы нисколько не сомнѣваемся, что слово это заимствовано изъ турецкаго языка, въ частности всего вѣроятнѣе изъ половецкаго діалекта. Въ турецкомъ языкѣ мы находимъ سوغات ساوغات, саўҕат или صوغ, صاوغ, саўҕа[1]) со значеніями: 1) даръ, награда, подарокъ, *гостинецъ (особенно привозимый друзьямъ послѣ путешествія)*; подарки ханамъ и вельможамъ; 2) жалованье, которое военные даютъ писцамъ фуражемъ и деньгами; 3) *сборъ, повинность въ пользу хана;* сборъ съ деревенскихъ жителей въ пользу проѣзжающихъ по дѣламъ службы; 4) (у киргизовъ) *половина добычи, идущая въ пользу хана при барантахъ (угонѣ другъ у друга скота враждующими родами или племенами) и нападеніяхъ.* Въ одномъ изъ разска-

1) «Саўҕат» надо признать множественнымъ числомъ отъ «саўҕа» и притомъ образованнымъ въ очень древнее «до-орхонское» время. Остатки древняго суффикса -т для образованія множественнаго числа мы находимъ вѣроятно въ орхонскомъ «tarkat» (отъ «tarkan»?) и можетъ быть въ якутскомъ, O. Böthlingk, Jakutische Grammatik. S. 255 § 388. Въ монгольскомъ этотъ суффиксъ хорошо извѣстенъ.

зовъ о борьбѣ киргизовъ съ торгоутами (калмыками), помѣщенномъ въ «Сочиненіяхъ Чокана Чингисовича Валиханова», изд. подъ редакціею Н. И. Веселовскаго, стр. 319, мы находимъ слѣдующее упоминаніе о «саугѣ»: Братъ Джанатая, Уйсунбай, дѣлая разъѣзды, взялъ у калмыковъ трехъ верблюдовъ; когда по возвращеніи у него братъ-же его Аркандаръ батырь попросилъ должную «саугу», Уйсунбай батырь отвѣчалъ: «у калмыковъ верблюдовъ много, есть у тебя руки—можешь самъ взять: болѣзни у тебя нѣтъ» и т. д. О «саугѣ» у киргизовъ см. также Н. И. Гродековъ, Киргизы и каракиргизы Сыръ Дарьинской области стр. 124—126. Слово это несомнѣнно древнее, такъ какъ встрѣчается во многихъ діалектахъ и сверхъ того отмѣчено и въ изданномъ нами арабско-монгольскомъ глоссаріи (XIII—XIV вѣка) (Арабъ-филологъ о монгольскомъ языкѣ, Записки Вост. Отдѣл. Археолог. Общ. т. XV стр. 137). Обычаи, подобные даванію хану части добычи, весьма распространены и до настоящаго времени среди различныхъ турецкихъ племенъ. Такъ напр. если на Алтаѣ кто-нибудь встрѣтитъ охотника, только что убившаго дичь и занимающагося ея свѣжеваніемъ, то получаетъ отъ охотника часть этой дичи; у башкиръ лицо, помогавшее или даже просто присутствовавшее при зарѣзываніи скотины, получаетъ кусокъ мяса и т. п. Не знаемъ, можно ли при словѣ «сайгатъ» думать о заимствованіи не только слова, но и самого обычая? Во всякомъ случаѣ интересно, что, сколько мы знаемъ, въ древнерусскомъ не было чисто-русскаго слова, которое выражало бы то-же понятіе. Любопытное извѣстіе о дѣлежѣ добычи у монголовъ находимъ мы у аль-Муфаддаля (нач. XIV вѣка): все добытое въ земляхъ, которыми овладѣвали татары, дѣлилось на пять частей; двѣ части отдавались Великому хану, двѣ части войску и одна часть дому Батыеву (В. Тизенгаузенъ, Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой Орды, томъ I, 1884, стр. 188. Обычай посылать «саўғат» былъ извѣстенъ и знаменитому султану Бабуру[1]), см. بابرنامه

1) Начала XVI вѣка.

изд. Н. И. Ильминскаго стр. ٣٣٧, 4 (снизу): «Чтобы расположить въ свою пользу Балхъ, мы послали (туда) много денегъ и отправили нашимъ роднымъ старшимъ и младшимъ, бывшимъ (тогда) въ Кабулѣ, «саўǧаты» изъ добычи, доставшейся намъ при взятіи Мильвата» (подъ 932 г. Гиджры). Вопросъ о томъ, на какой почвѣ произошелъ переходъ дифтонга «аў» въ «ай», предпочитаемъ оставить пока открытымъ, хотя болѣе вѣроятнымъ представляется намъ этотъ переходъ на *русской* почвѣ[1]).

20. *Санъ. Лавр. лѣт. 1175 г., у Кирилла Туровскаго (passim) и во мн. др. памятникахъ. Слово заимствовано изъ турецкаго صان, سان сан, *большое число*, *почетъ*, *репутація*, *достоинство*, *слава*, что отмѣчено уже Ф. Миклошичемъ. Слово это не русское, а церковнославянское, заимствовано раньше IX вѣка. Турецкій источникъ въ точности неизвѣстенъ (авары? хозары? всего вѣроятнѣе болгары, вошедшіе уже въ VII вѣкѣ въ соприкосновеніе съ придунайскими славянами). Въ Лавр. лѣтоп. подъ 945 и 988 годами находимъ уже и производное «сановникъ».

21. Скоморох(ы). Лавр. лѣт. 1068 г., Ипат. лѣт. стр. 120 даетъ славянскую форму «скомрах(ы)», Переяславск. даже скомраси (стр. 3). А. А. Шахматовъ сообщилъ намъ, что общеславянскою формою этого слова можно скорѣе всего предположить *скоморхъ, откуда церковнослав. «скомрахъ» и русское «скоморохъ». О происхожденіи этого слова писали много, но удовлетворительнаго объясненія до сихъ поръ нѣтъ. А. Н. Веселовскій предполагалъ между прочимъ, что его можно сопоставить съ арабскимъ مسخرة масхара, *смѣшной человѣкъ*, *шутъ*, *паяцъ; шутовская выходка*, *фарсъ и т. п.*[2]). Въ значеніи «шута,

1) Возможно было бы также думать о переходѣ турецкаго «аў» въ «ай» при заимствованіи этого слова монголами у турокъ, но такое предположеніе влекло-бы за собою чересчуръ сложную миграцію слова «сауǧа, сауǧат», которую очень трудно было бы установить исторически.

2) Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха, стр. 180—182.

паяца» مسخرة встрѣчается въ арабскомъ уже въ XII вѣкѣ (словарь Dozy I 638). Слово «масха́ра» извѣстно въ турецкомъ и встрѣчается уже въ Codice Cumanico. Несомнѣнно, что отъ него происходитъ «машкара, *личина, маска*» и «маскарадъ», причемъ оба эти слова попали въ русскій языкъ въ гораздо болѣе позднее время, чѣмъ то, которымъ мы теперь занимаемся, и посредниками были по всей вѣроятности поляки и французы. Едва-ли однако съ этимъ словомъ можно связать «скомороха»: если даже предположить «перестановку» *сха́мара, *скамара, откуда *скомора, то все-же окончаніе -хъ остается необъяснимымъ. По подобнымъ-же соображеніямъ нельзя признать удовлетворительными и другія этимологіи А. Н. Веселовскаго (ibidem 179—180) отъ scamares, scamarae, *замаскированный разбойникъ* и т. п. Е. Голубинскій, Исторія русск. церкви т. I, вторая половина тома, стр. 868, прим. 3 предположилъ греческое происхожденіе этого слова отъ ненаходящагося въ словаряхъ слова σκώμμαρχος, *мастеръ, начальникъ смѣхотворства.* Заинтересовавшись этою этимологіею, я обратился за справкою къ извѣстнымъ знатокамъ средне- и ново-греческаго языка г. С. Пападимитріу въ Одессѣ и г. Пападопуло Керамевсу въ С.-Петербургѣ. Первый, находя, что *теоретически* образованіе *σκώμμαρχος возможно по аналогіи съ συμποσίαρχος, γυμνασίαρχος, ταξίαρχος, πολίαρχος и т. п., тѣмъ не менѣе отнесся къ этимологіи Е. Голубинскаго скептически во-первыхъ потому, что никогда ни въ какихъ текстахъ не встрѣчалъ слова *σκώμμαρχος, а во-вторыхъ потому, что и значить-то оно должно было бы «начальникъ шутовства» или «первый шутъ», а не «шутъ, потѣшникъ» просто. Г. Пападопуло-Керамевсъ усумнился даже въ теоретической правильности образованія σκώμμαρχος[1]).

Остается слѣдовательно еще этимологія, предложенная въ словарѣ И. И. Срезневскаго отъ французскаго scaramouche = итальянскому scaramuccia (шутъ). Къ сожалѣнію въ оцѣнкѣ

1) Обоимъ этимъ ученымъ приношу мою глубокую благодарность.

этой этимологіи мы не компетентны. Весьма вѣроятно однако, что прототипъ этого слова надо искать въ Византіи или на Западѣ, откуда пошли и сами скоморохи. На западное происхожденіе указываетъ повидимому и костюмъ скомороховъ, см. Ал. С. Фаминцынъ, Скоморохи на Руси, стр. 1 и 6, прим. 1; Ровинскій, Русскія народныя картинки 1881 №№ 102 и 103. Этимологія Ал. С. Фаминцына—отъ среднегреческаго μασχαράς (= مسخره) критики не выдерживаетъ.

22. **Товаръ.** Слово хорошо извѣстное въ древнерусской письменности и притомъ въ обоихъ значеніяхъ: 1) имущество, въ частности «предметъ торговли» (Русская Правда, Лавр. лѣтоп. Договоръ Мстислава съ Ригою, 1-ая Новгор. лѣтоп. и др.); 2) станъ, обозъ, лагерь (Лѣтопись подъ 993 г. и др.); въ послѣднемъ значеніи часто употребляется въ формѣ множественнаго числа. Ф. Миклошичъ (II 77) и Θ. Е. Коршъ (Archiv für Slav. Philol. IX, 174) правильно отожествили это слово съ турецкимъ تُوار, طوار тавар, *вьючное, упряжное животное; скотъ, имущество* и т. п.[1]). Слово это извѣстно и въ монгольскомъ языкѣ تاوار, *имѣніе, собственность*. По всей вѣроятности это слово уже въ древнѣйшихъ турецкихъ діалектахъ (напр., уйгурскомъ) произносилось именно «тавар», а не «табар»,—объ этомъ вопросѣ см. Vilh. Thomsen, Sur le système des consonnes dans la langue ouigoure (Revue Orientale за 1901 г., стр. 256). Значеніе «обоза» легко объясняется изъ первоначальнаго значенія «вьючное или упряжное животное», особенно если принять во вниманіе, что въ этомъ значеніи часто употребляется именно множественное число «товары». Значеніе-же «воинскій станъ, лагерь» выработалось потому, что у кочевниковъ издревле су-

1) Такъ какъ главное имущество и главный предметъ торговли у кочевниковъ составляетъ скотъ и его продукты, то цѣлый рядъ турецкихъ словъ, значившихъ первоначально «скотъ», потомъ пріобрѣлъ значеніе «имущество, товаръ, капиталъ» и пр.

ществовалъ военный пріемъ — устройство изъ боевыхъ коней или изъ запряженныхъ лошадьми или волами повозокъ особаго рода «вагенбурговъ», какъ неподвижныхъ, такъ и двигавшихся и оборонявшихся отъ непріятеля на ходу [1]). Думаемъ, что слово товаръ (товары) говоритъ въ пользу того, что и самый этотъ пріемъ заимствованъ былъ славянами у кочевниковъ какого-нибудь турецкаго племени, хотя «вагенбурги» были извѣстны и древнимъ германцамъ.

23. **Търтак(а)** Ипатск. лѣт. 1195 г. стр. 462 «и да ему Полоны(й) и полъ търтака (Х. и П. даютъ: полтартака) Корсуньскаго». По контексту это слово могло бы значить «доходъ съ провинціи» или «доходъ съ вѣсового сбора». Оба эти значенія можно было-бы допустить отъ турецкаго تارتاق, طارتاق тартаk. Правда именно *такого* слова съ именно *этими* значеніями намъ пока не удалось отыскать въ турецкомъ языкѣ, хотя *теоретически* такое слово вполнѣ возможно и даже вѣроятно. Въ ярлыкѣ Темиръ-Кутлуга (Записки Восточн. Отдѣл. Археологич. Общ. III стр. 23 и 35) мы находимъ слова тартнаk, *вѣсовая или таможенная пошлина* и тартнаkчы, *сборщикъ таковой*. I. Hammer въ Geschichte der Goldenen Horde говоритъ, что сборщики вѣсового сбора въ договорахъ кипчацкихъ (т. е. золотоордынскихъ) хановъ съ генуэзцами назывались «tartdschi» или «tartanakdschi» (S. 218), а самый сборъ tartanachio или «tartanacho» (такъ l. c. S. 518 въ текстѣ договора Джанибека съ Венеціею). Значеніе «подати, приношенія, дара» и т. п. имѣютъ и многія

1) Объ этомъ подробно П. В. Голубовскій. Съ какого времени можно прослѣдить на югѣ Руси способъ защиты табором? Труды XI Археологическаго съѣзда въ Кіевѣ, т II. Замѣтимъ кстати, что «табор» и «товар» не одно и то-же слово, хотя *быть можетъ* корень у нихъ общій. «Табор, табур» ближайшимъ образомъ связанъ съ طابغور табѓур, *поясъ*; *заборъ изъ кольевъ, палисадникъ*. Въ словарѣ Шейха Сулеймана Бухарскаго находимъ также: تاپغور тапkур съ объясненіемъ: «Укрѣпленіе, имѣющее видъ четырехугольной крѣпости, (образованной) путемъ связыванія другъ съ другомъ цѣпями телѣгъ» (ارابه‌لر بر برینه زنجیرله قوشادیلوب درت وجهلو قلعه شکلنه کیرمش استحکام).

другія образованія отъ глагола «тарт» напр. тартык, тартук, тартӯ и пр. Несомнѣнно, что корень всѣхъ этихъ словъ—глаголъ тарт, который значитъ: 1) тянуть, тащить; 2) вѣсить, взвѣшивать; 3) подносить, презентовать (о податяхъ, или дарахъ отъ низшихъ высшимъ). Вышеприведенныя слова изъ ярлыка и изъ сочиненія I. Hammer'а несомнѣнно образованы отъ страдательнаго или возвратнаго залога глагола тарт, а именно тарт+ын +ak[1]). Подобное-же значеніе легко могло-бы имѣть и слово «тартак». Слова تارتاغن[2]) тартаӈын, *разсѣянный, разстроенный, растащенный* (вѣроятно «окаменѣлый» Instrumentalis со значеніемъ: «въ разсѣянномъ, растащенномъ видѣ») и османское تارتاقلامق, тартакламак, *надоѣдать, мучить* (Redhouse) показываютъ, что и слово «тартак» несомнѣнно существовало въ турецкомъ языкѣ, но только значеніе «подати» или «вѣсового сбора», хотя и очень вѣроятное, для него пока удостовѣрить не удалось.

Въ малорусскомъ нарѣчіи есть, правда, слово тартакъ, *родъ мельницы или лѣсопильнаго завода*[3]) (отсюда Фамилія «Тартаковъ»), на что обратилъ наше вниманіе акад. А. И. Соболевскій; однако едва-ли можно привлечь это слово для объясненія разбираемаго мѣста изъ лѣтописи. Что-же касается малорусскаго «тартака», то и онъ можетъ быть идетъ изъ турецкаго языка, особенно если такія лѣсопилки приводились или приво-

---

1) -ak—весьма употребительный суффиксъ при отглагольныхъ именахъ; напомнимъ konak, *гостъ* (отъ kon), бычак, *ножъ* (отъ быч) и мн. др. Слово это (только не совсѣмъ правильно вокализованное) приводитъ и Абу Хайянъ стр. ٨٣ طُرطَنَق (читай طَرطِنَق) съ переводомъ الزكاة, что значитъ первоначально «сборъ въ пользу бѣдныхъ», а позднѣе, напр. въ XIV вѣкѣ. «сборъ съ товаровъ» см. словарь Dozy I, 597 «droit d'entrée sur les marchandises» Ибн-Батута говоритъ, что съ торговцевъ-мусульманъ въ Индіи въ его время взимался «зекатъ» ($2^1/_2$%) со стоимости товара), а съ невѣрныхъ 10%, C. Defrémery, Voyages d' Ibn-Batoutah, tome II, p. 373—374.

2) Словарь Шейха Сулеймана Бухарскаго.

3) Послѣднее значеніе мы нашли благодаря любезному указанію акад. А. А. Шахматова въ рукописномъ словарѣ малорусскаго нарѣчія, собранномъ редакціею Кіевской Старины

дятся въ движеніе какой-нибудь живой силой (людьми, лошадьми и т. п.), причемъ надо за что-нибудь *тянуть* или *тащить*. Мало того алтайцы, киргизы и др. употребляютъ глаголъ «тарт» прямо въ значеніи «молоть», напр. тӑрбӑн (тіjармӑн) тартты, *онъ мололъ на мельницѣ*.

24. **Учанъ** (**учаны, вчаны**). Ипатск. лѣтоп. 1182 г., стр. 423, въ описаніи пораженія, нанесеннаго русскими волжскимъ болгарамъ;—«и прибѣгоша (болгары) к Волзѣ и воскакаша во вчаны, и ту абье испровѣргоша учанъ, и тако истопоша боле тысячѣ ихъ». Слово это اوجان учан хорошо извѣстно въ джагатайскомъ литературномъ языкѣ и вошло въ словари Л. Будагова, Pavet de Courteille'я и Шейха Сулеймана Бухарскаго; его знаютъ современные бухарцы и туркмены[1]). Абу-Хайянъ приводитъ اُجَن уџан, учан съ переводомъ «небольшое судно» (السفينة الصغيرة стр. ١٢). По контексту лѣтописи и по словарю Pavet de Courteille'я («grande embarcation») это скорѣе было большое судно. Въ русскій языкъ это слово попало конечно изъ діалекта волжскихъ болгаръ.

25. **Чара.** Слово это встрѣчается въ надписи на чарѣ князя Владимира Давидовича Черниговскаго; по опредѣленію И. И. Срезневскаго (Древніе памятники русск. письма и языка, 2-е изданіе, 1882 г., стр. 60) надпись относится ко времени до 1151 года. Тѣмъ удивительнѣе, что это слово встрѣчается во многихъ турецкихъ діалектахъ, а именно: въ казанскомъ, алтайскомъ и діалектѣ турокъ Восточнаго Туркестана въ формѣ چارا чара со значеніемъ «большая чаша». Shaw въ A sketch of the Turki language—in Eastern Turkistan, Vocabulary, p. 93 переводитъ это слово «a large wooden bowl or vessel»; у киргизовъ находимъ шара, *большая деревянная чаша, на которую кладутъ*

1) По неизданнымъ матеріаламъ начинающаго турколога А. Н. Самойловича.

вареное мясо. Въ монгольскомъ языкѣ тоже есть слово چر чара, цара, *металлическая чаша на ножкахъ безъ крышки въ видѣ блюда*; *ендова*; имѣется слово «чара» и въ маньчжурскомъ языкѣ. Въ виду всего этого, можно, кажется, считать болѣе вѣроятнымъ его восточное происхожденіе въ русскомъ и польскомъ языкахъ. Иначе думалъ Матценауэръ (136), выводившій это слово изъ германскихъ языковъ (ker, kar, kjer и т. д.). Если правильна его этимологія, то у насъ окажется единственный въ своемъ родѣ примѣръ проникновенія древнерусскаго слова «чара» черезъ турокъ и монголовъ до Маньчжуріи включительно! Правъ былъ поэтъ (Алексѣй Толстой), написавшій въ «Змѣѣ Тугарипѣ»: «Пируетъ Владиміръ, съ нимъ молодъ и старъ, и слышенъ далеко звонъ кованыхъ чаръ».

26. ***Чертогъ** (чьртогъ, чрьтогъ, чрътогъ). (Никоновск. лѣтоп. 227; переводъ эпистоліи Льва Ѳеодосія, Поученіе Ѳеодосія и др.) — слово церковнославянское; по всей вѣроятности восходитъ къ персидскому چارطاق чâр тâk, состоящему изъ چار чâр *четыре* и طاق тâk, *высокая выдающаяся часть зданія, портикъ, высокое сводчатое окно, балконъ* и т. д. Значеніе этого слова сильно варіируетъ, а именно: «шатеръ изъ четырехъ частей; четырехугольный шатеръ; шатеръ, въ которомъ помѣщается кухня; помѣщеніе съ четырьмя арками, которыя поддерживаются четырьмя колоннами». Въ османскомъ это слово произносится вульгарно чардаk (چارداق) и значитъ «открытый помостъ, устроенный на крышѣ дома для сушки бѣлья»[1]). Въ персидскомъ это слово *теперь* произносится чâрта̂k. Относительно замѣны конечнаго «k» посредствомъ «г» см. выше стр. 13. Посредниками между персами или, лучше сказать, какими-то иранцами и славянами были вѣроятно волжскіе болгары (или хозары?); во всякомъ случаѣ это древнее заимствованіе.

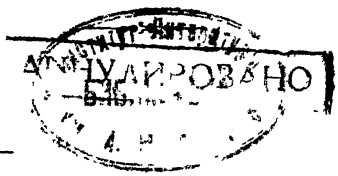
27. **Шатеръ.** (Ипатск. лѣтоп. 1015, 1103, 1110 гг. и др.

1) Отсюда несомнѣнно русскій «чердакъ».

Хоженіе игумена Даніила[1]), Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ[2]) и др.). Намъ думается, что прототипомъ этого слова надо считать не персидское چادر чâдір, палатка, а персидское-же چتر чатр, *зонтикъ, родъ царскаго переноснаго балдахина, родъ палатки*[3]). Знаменитый Флейшеръ (Studien über Dozy's Supplément, drittes Stück, 1884, S. 4) говоритъ, что это слово является и въ формахъ چتر, شتر цітр, шітр съ множественнымъ شتور шутур и означаетъ «большая палатка». Отъ «чатр, шатр» идутъ несомнѣнно казанско-татарское «чатыр», алтайское «чадыр», киргизское «шатыр». Абу Хайянъ на стр. oo приводитъ چتر цатыр, чатыр со значеніемъ «зонтъ (الظلال)». Судя по распространенности этого слова въ различныхъ славянскихъ языкахъ (Миклошичъ I, 34, Коршъ Arch. für Slav. Philol. IX, 494, Матценауэръ 80) заимствованіе это вѣроятно древнее и было сдѣлано у «предка» современныхъ западныхъ діалектовъ, для которыхъ между прочимъ характеренъ переходъ ч || ш. Въ Codice Cumanico мы находимъ čater, *tentorium* (изданіе Géza Kuun'a). Впрочемъ въ виду церковнославянской, болгарской и сербской формъ съ начальнымъ «ч» быть можетъ позволительно предположеніе о переходѣ ч || ш на *русской* почвѣ? Если это невозможно, то придется для различныхъ славянскихъ нарѣчій прибѣгнуть къ гипотезѣ двукратнаго (или многократнаго) заимствованія.

Платонъ Меліоранскій.

17 Октября 1905 г.



1) Изданіе Веневитинова, стр. 70.

2) Изданіе Бодянскаго passim: шатьры, шатъръ, шатьра, шатьроу, шатра, шатъръ и т. п. Чтенія Московск. Общ. Исторіи и Древностей 1870 т. I.

3) Весьма возможно, конечно, что эти два слова въ аріо-персидскомъ родственны, но ближе опредѣлить отношенія ихъ мы не беремся.